

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

1959 · 50 · 2009

ПЯТАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО КУЧЕРУКА ПРОТИВ УКРАИНЫ

(Заявление № 2570/04)

РЕШЕНИЕ

СТРАСБУРГ

6 сентября 2007

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ

06/12/2007

Это решение станет окончательным при обстоятельствах, изложенных в статье 44 § 2 Конвенции. Оно может быть отредактировано.

В деле Кучерука против Украины,

Европейский суд по правам человека (Пятая секция), заседая Палатой в составе:

г-н Р. Lorenzen, *председатель,*

г-жа S. Botoucharova,

г-н K. Jungwiert,

г-н V. Butkevych,

г-жа M. Tsatsa-Nikolovska,

г-н R. Maruste,

г-н M. Villiger, *судьи,*

и г-н J.S. Phillips, *заместитель секретаря секции,*

После обсуждения за закрытыми дверями 10 июля 2007

Провозглашает следующее решение, которое было принято в указанный выше день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было открыто по заявлению (№ 2570/04) против Украины, поданному в Суд в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – «Конвенции») украинским гражданином г-ном Владимиром Викторовичем Кучеруком (далее – «заявитель») 29 декабря 2003 года.

2. Заявителя, которому была предоставлена оплата правовой помощи, представлял г-н А.П. Бущенко, адвокат, практикующий в Харькове, который представил доверенность, подписанную заявителем. Мать заявителя также подписала доверенность.

3. Украинское правительство (далее – «Правительство») представляли их уполномоченные представители г-жа В. Лутковская и г-н Ю. Зайцев.

4. 31 мая 2005 года Суд решил уведомить о заявлении Правительство. В соответствии с положениями статьи 29 § 3 Конвенции он решил рассматривать заявление по существу одновременно с рассмотрением его приемлемости.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

A. Факты дела

5. Заявитель родился в 1980 году и живет в Харькове.

6. В 1998 году заявителю был поставлен диагноз «шизофрения». С этих пор заявитель получал амбулаторное лечение в городском психоневрологическом диспансере № 3 (впоследствии «диспансер»).

7. В марте 2001 года заявитель был осужден за кражу и хулиганство и приговорен к полутора годам лишения свободы условно.

1. Уголовное преследование против заявителя и его содержание под стражей

8. 12 апреля 2002 года заявитель был задержан и содержался в Коминтерновском районном отделе милиции по подозрению в хулиганстве и краже.

9. 15 апреля 2002 года следователь, назначенный расследовать дело заявителя, предъявил ему обвинение в хулиганстве и краже. В тот же день, приняв во внимание то, что против заявителя существуют серьезные подозрения, что он был ранее судим за подобные преступления и находится на испытательном сроке и существует серьезный риск того, что заявитель вновь совершит преступления или скроется от суда, судья Коминтерновского районного суда г. Харькова (далее – «Коминтерновский суд») постановил содержать его под стражей.

10. В тот же день заявитель был обследован в городской больнице № 13. Было установлено, что он страдает шизофренией, однако может находиться под стражей.

11. 16 апреля 2002 года заявитель был переведен из райотдела в Харьковский следственный изолятор № 27 (далее – «СИЗО»). При приеме заявитель был помещен в медицинскую часть СИЗО для обследования и оценки. Психиатр СИЗО установил, что он страдает шизофренией, однако подтвердил, что он может содержаться в СИЗО.

12. Заявителя поместили в психиатрическое отделение медицинской части СИЗО. 17 и 25 апреля 2002 года его посетил терапевт СИЗО, который прописал ему сердечнососудистые и общеукрепляющие препараты.

13. 30 апреля 2002 года следователь запросил в диспансере информацию о том, страдал ли заявитель психическим заболеванием. 5 мая 2002 года диспансер подтвердил, что заявитель проходил

психиатрическое лечение в связи с шизофренией с 1998 года. Основываясь на этой информации, 13 мая 2002 года следователь назначил стационарную судебно-психиатрическую экспертизу заявителя, чтобы определить его вменяемость во время совершения преступления.

14. Заявитель был переведен в психиатрическую больницу № 15 (далее – «больница»), где обследовался с 17 по 29 мая 2002 года. В последнюю дату судебные психиатры составили заключение, которое включало следующее:

«Психический статус

Испытуемый речевому контакту доступен. Однако, контакт крайне формальный. Мимика и моторика спонтанны, неадекватны. Цели проведения судебно-психиатрической экспертизы, а также вообще происходящее вокруг понять и оценить не может. Расторможен, эйфоричен, суетлив, многоречив, но непоследователен в суждениях. ... Громко хохочет, манерен, гримасничает, высовывая изо рта язык. Иногда шепотом начинает спрашивать, выпустят ли его, причем, после неоднократных разъяснений о компетентности этого вопроса следственных органов, снова стереотипно повторяет этот вопрос. При расспросе о переживаниях после задержания становится тревожным, вид несколько растерянный. Память и интеллект выяснить не представляется возможным из-за отсутствия продуктивного контакта. Периодически становился настороженным, тревожным, конфликтовал с другими испытуемыми.

Заключение

1. Кучерук В.В. в настоящее время обнаруживает признаки острого психического расстройства в форме реактивного состояния.

2. В связи со сложностью клинических проявлений реактивного состояния, которым может дебютировать и иное психическое заболевание, решить в настоящее время вопрос о вменяемости не представляется возможным.

3. По своему психическому состоянию Кучерук В.В. нуждается в применении принудительных мер медицинского характера – госпитализации в психиатрическую больницу...»

15. В начале июня 2002 года заявитель был переведен обратно в СИЗО. 6 июня 2002 года его осмотрел психиатр СИЗО. В этот раз ему не было назначено никакого лечения.

16. 12 июня 2002 года следователь вынес постановление о применении принудительных мер психиатрического характера к заявителю. В тот же день дело заявителя было передано в Коминтерновскую районную прокуратуру для одобрения. 14 июня 2002 года представление следователя и материалы дела были получены Коминтерновским судом.

17. 5 июля 2002 года Коминтерновский суд после состязательного слушания в присутствии адвоката заявителя установил, что заявитель обвиняется в совершении кражи и хулиганства. Ссылаясь на заключение

экспертов от 29 мая 2002 года суд, пришел к выводу, что острое психическое расстройство заявителя не дает возможности на этом этапе определить его вменяемость во время совершения преступления и, следовательно, рассмотреть вопрос о наказании. Коминтерновский суд вынес постановление в соответствии со статьей 421 Уголовно-процессуального кодекса (далее – «УПК») о применении к заявителю принудительных мер медицинского характера и приостановил уголовное расследование против него до его выздоровления. Суд также указал:

«После доставления Кучерук Владимира Викторовича в психиатрическое учреждение меру пресечения в виде содержания под стражей ... – отменить.

Постановление может быть обжаловано в апелляционный суд Харьковской области ... в течение 15 суток с момента его оглашения».

18. 10 июля 2002 года постановление суда от 5 июля 2002 года было направлено в СИЗО для исполнения.

2. События июля 2002 года

19. Тем временем заявитель, который содержался в обычной камере, начал проявлять симптомы психического расстройства. При последующем расследовании заключенные, которые содержались с ним в одной камере, утверждали, что заявитель вел себя странно: невнятно бормотал, неожиданно выкрикивал в их адрес или начинал скандалить. 2 июля 2002 года заявитель напал на одного из сокамерников. В тот же день его перевели в медицинскую часть СИЗО, где поместили в камеру вместе с другими заключенными.

20. Начиная со 2 июля каждой новой смене охранников СИЗО постоянно сообщали о возможных насильственных вспышках заявителя и об угрозе, которую он представляет для других заключенных, персонала СИЗО и самого себя.

21. 3 июля 2002 года тюремный психиатр обследовал заявителя, установил, что тот страдает шизофренией и находится в кататоническом ступоре и прописал транквилизаторы, аналептики (лекарства, стимулирующие центральную нервную систему) и общеукрепляющие препараты. 4 июля 2002 года психиатр установил, что заявитель вышел из кататонического ступора и внес изменения в его лечение.

22. 8 июля 2002 года заявитель стал особенно возбужден, беспорядочно двигался по камере, размахивал руками, наталкивался на мебель и выкрикивал ругательства в адрес охранников. В 7 часов утра медицинский персонал вызвал трех дежурных охранников, чтобы унять заявителя. Через смотровое отверстие те увидели его беспорядочные движения и, посчитав это буйством в значении статьи 18 закона «О предварительном заключении», приказали заявителю прекратить это,

стать лицом к стене и заложить руки за спину. Заявитель не подчинился приказам, охранники предупредили его, что они намерены применить силу, и вошли в камеру. Охранники побили заявителя резиновыми дубинками, положили его на пол и сковали наручниками. Хотя тюремного фельдшера вызвали осмотреть заявителя вскоре после инцидента, нет сведений о том, что тому была оказана медицинская помощь или лечение в связи с повреждениями, полученными во время борьбы.

23. В рапорте, датированном 8 июля 2002 года и дополненном (очевидно) 15 июля 2002 года, три охранника и фельдшер, причастные к событиям, докладывали начальнику СИЗО об обстоятельствах использования специальных средств (резиновых дубинок и наручников). В дополнительной надписи было дописано, что наручники были надеты в 7 часов 8 июля и сняты в 6.45 часов 15 июля 2002 года. Внизу страницы, под подписями должностных лиц и фельдшера, было указано, что были обнаружены «отчетливые следы их [дубинок и наручников] применения, и никаких других повреждений ... не было обнаружено». Эта заметка была подписана неким Х., очевидно тюремным врачом или фельдшером, и датирована 15 июля 2002 года.

24. 8 июля 2002 года начальник СИЗО наложил на заявителя взыскание в виде десяти суток содержания в карцере за «грубое нарушение режима содержания». Перед переводом в карцер заявитель был осмотрен двумя представителями персонала и врачом, которые отметили в своем рапорте, что на плечах и ягодицах заявителя имеются следы, причиненные резиновыми дубинками. Однако они пришли к заключению, что заявитель может содержаться в карцере.

25. Находясь в карцере, заявитель был заперт в течение двадцати трех часов в день. Хотя в карцер каждый день приходил терапевт и психиатр, ему не было назначено никакого лечения или медикаментов, поскольку, как следует из медицинских записей, он отказался от них. В записях медицинской карты заявителя за 10, 12 и 16 июля, сделанные тюремным психиатром, значится:

«10 июля 2002 года ... [заявитель] сделал резкое движение в мою сторону, протягивая скованные наручниками руки...

12 июля 2002 года ... [заявитель] быстро перемещался по камере, извиваясь и пытаясь просунуть ноги между скованными наручниками руками... [он] бился головой о стену, пытаясь освободиться от наручников...

16 июля 2002 года ... [заявитель] пытается снять наручники, катаясь по полу».

26. Содержание заявителя в карцере продолжалось до его освобождения из СИЗО 17 июля 2002 года.

3. Лечение в психиатрической больнице

27. 17 июля 2002 года заявитель был переведен в больницу для принудительного лечения в соответствии с постановлением Коминтерновского суда от 5 июля 2002 года.

28. 27 января 2003 года комиссия психиатров больницы после оценки психического состояния заявителя рекомендовала продолжение его психиатрического лечения.

29. 28 февраля 2003 года Коминтерновский суд, приняв во внимание заключение экспертов от 29 мая 2002 года и устное ходатайство лечащего врача больницы, удовлетворил ходатайство главного психиатра больницы и продлил принудительное психиатрическое лечение заявителя до его выздоровления.

30. 2 апреля 2003 года мать заявителя подала в Московский районный суд г. Харькова (далее – «Московский суд») заявление в соответствии со статьей 256 Гражданского процессуального кодекса (далее – «ГПК») о признании ее сына недееспособным ввиду психического заболевания.

31. 26 мая 2003 года комиссия психиатров больницы рекомендовала прекратить принудительное лечение заявителя.

32. 28 мая 2003 года Московский суд назначил судебно-психиатрическую экспертизу заявителя в соответствии со статьей 258 ГПК для определения его вменяемости.

33. 7 июля 2007 года Коминтерновский суд отменил принудительное лечение. Он также указал, что необходимо возобновить уголовное расследование в отношении заявителя и провести судебно-психиатрическую экспертизу для определения его вменяемости на момент совершения преступления.

34. 1 августа 2003 года досудебное расследование в отношении заявителя было возобновлено.

35. 4 августа 2003 года больница получила постановление Коминтерновского суда от 7 июля 2003 года.

36. 5 августа 2003 года следователь подал в Коминтерновский суд ходатайство с просьбой назначить заявителю стационарную судебно-психиатрическую экспертизу в соответствии со статьей 205 УПК, которое было удовлетворено 6 августа 2003 года.

37. Обе судебно-медицинские экспертизы, назначенные Московским и Коминтерновским судами, были закончены 1 сентября 2003 года. Эксперты-психиатры пришли к заключению, что психическое расстройство заявителя не давало ему возможности понимать последствия своих действий и управлять ими.

38. 2 сентября 2003 года заявитель был освобожден из больницы и передан своей матери.

39. 4 ноября 2003 года Коминтерновский суд прекратил уголовное расследование в отношении заявителя ввиду его невменяемости.

40. 11 ноября 2003 года Московский суд удовлетворил заявление матери заявителя и признал его недееспособным.

4. Расследование утверждаемого дурного обращение и незаконного содержания под стражей

41. После перевода заявителя в больницу 17 июля 2002 года его матери сообщили о его местопребывании. Г-жа Кучерук утверждала, что когда она на следующий день посетила его, она увидела, что заявитель очень сильно избит и с трудом двигается и говорит. Она утверждает, что единственными словами, которые заявитель смог произнести, были: «сильно били».

42. 25 июля 2002 года мать заявителя подала заявление о возбуждении уголовного дела против охранников СИЗО ввиду их дурного обращения с ее сыном.

43. 2 августа 2002 года мать заявителя и представитель местной правозащитной организации посетили заявителя в отделении. Они составили документ, подтверждающий, что заявитель имел повреждения на голове за левым ухом, несколько кровоподтеков на лице и лбу, глубокие порезы вокруг запястий.

44. В неизвестную дату начальник СИЗО начал проверку по жалобе матери заявителя. 19 и 20 августа 2002 года были получены объяснения у двух заключенных, которые находились вместе с заявителем в обычной камере, от его сокамерников в медицинской части, которые наблюдали инцидент 8 июля 2002 года, трех охранников, причастных к инциденту и тюремного фельдшера. Заключенные и охранники коротко описали события 2-8 июля 2002 года, как они изложены выше в параграфах 19 и 22. Фельдшер писал, что его вызвали осмотреть заявителя после того, как тот был обездвижен охранниками. Он обнаружил следы применения резиновых дубинок на лопатках и ягодицах заявителя и следы, оставленные наручниками.

45. В ходе проверки, 14 августа 2002 года начальник СИЗО назначил судебно-медицинское освидетельствование. В тот же день заявитель был осмотрен экспертом Харьковского института судебной медицины. Заключение эксперта утверждало следующее:

«Исследовательская часть

... в области правого лучезапястного сустава имеется ссадина продолговатой формы с коричневатой плотной коркой размерами 2,5 x 0,5 см. Рана направлена горизонтально. Аналогичного характера ссадины имеются на внутренней поверхности в правого лучезапястного сустава, на внутренней и внешней поверхности в левого лучезапястного сустава. Аналогичные повреждения наблюдаются в правой затылочной области на левом локтевом суставе, на правой затылочной области, на задне-внутренней поверхности и на передней

поверхности левого бедра. Эти повреждения имеют размеры от 1х0.2 см до 5.5х0.3 см...

Заключение

1. В соответствии с медицинскими документами, предоставленными [начальником СИЗО], установлено, что у г-на Кучерука имелись синяки и ссадины, причиненные тупыми твердыми предметами.

2. В ходе осмотра 14.08.2002 года у г-на Кучерука выявлены ссадины на голове, правой ноге, руках и бедре. Также у него были выявлены синяки на левом глазном яблоке и левом плече. Все эти повреждения образовались от действий тупых твердых предметов. Синяки образовались в период от трех до пяти дней до осмотра, а ссадины от семи до десяти дней...

3. Принимая во внимание описание повреждений в медицинских документах [составленных медицинскими сотрудниками СИЗО], а также записи от 8 и 15 июля 2002 года, в которых повреждения вообще не описаны, характер повреждений (указано наличие следов оставленных дубинками и наручниками), невозможно определить давность нанесения указанных повреждений.

4. Повреждения Г-ну Кучеруку могли быть причинены специальными средствами (резиновыми дубинками и наручниками)».

46. 21 августа 2002 года начальник СИЗО вынес постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении охранников, причастных к инциденту, не найдя в их действиях нарушений. В своем решении он сослался на объяснения персонала СИЗО и сокамерников заявителя и медицинское заключение от 14 августа 2002 года. В неустановленный день отдел надзора Харьковской районной прокуратуры подтвердил это решение.

47. 4 сентября 2002 года мать заявителя получила письмо от начальника СИЗО, в котором тот сообщил ей о том, что в возбуждении уголовного дела против работников тюрьмы отказано, но не указал дату вынесения этого постановления и не предоставил его копию. В своем письме начальник СИЗО также выразил свое мнение о том, что резиновые дубинки и наручники применялись охранниками в соответствии с установленными внутренними правилами. Из применение было направлено на защиту работников СИЗО и самого заявителя от его бесконтрольного и агрессивного поведения.

48. 26 декабря 2002 года Харьковское областное управление Департамента по вопросам исполнения наказаний (далее – «Департамент») сообщило матери заявителя, что дополнительная проверка по ее заявлению не выявила неправильных действий охранников СИЗО.

49. Письмом от 16 января 2003 года глава Департамента сообщил матери заявителя о том, что ее последующие жалобы необоснованны. Он сослался на проведенную начальником СИЗО проверку, которая закончилась постановлением от 21 августа 2002 года. Впервые

получив упоминание даты постановления начальника СИЗО в официальной переписке с нею, 8 февраля 2003 года она попросила предоставить доступ к материалам проверки и копию постановления. 25 февраля 2003 года глава Департамента отказал в этой просьбе. 27 марта 2003 года он отказал ей в повторной просьбе.

50. 31 марта 2003 года мать заявителя обжаловала решение начальника СИЗО от 21 августа 2002 года в суд. 27 мая 2003 года Октябрьский районный суд г. Харькова (далее – «Октябрьский суд», выслушав прокурора, отклонил ее жалобу как необоснованную. Мать заявителя подала апелляцию.

51. В процессе рассмотрения апелляции, 14 августа 2003 года, адвокат заявителя впервые получил доступ к материалам дела.

52. 18 ноября 2003 года Харьковский апелляционный суд отменил решение Октябрьского суда на том основании, что оно было принято в отсутствие заявителя, и направил дело на новое рассмотрение.

53. 24 декабря 2003 года Октябрьский суд – без какого-либо подробного обоснования – принял решение о том, что расследование было недостаточным. Он возобновил проверку и передал дело начальнику СИЗО для дальнейшей проверки.

54. 4 марта 2004 года начальник СИЗО, ссылаясь на те же самые доказательства, вновь прекратил проверку. В его постановлении, кроме всего прочего, было указано следующее:

«... Г-н Кучерук прибыл в [СИЗО] с медицинским заключением от 15 апреля 2002 года, выданным городской больницей № 13, в соответствии с которым он мог находиться в заключении в СИЗО... На основании этой информации г-н Кучерук был помещен в медицинскую часть.

16 апреля 2002 года г-н Кучерук был осмотрен [психиатром СИЗО], который поставил ему диагноз – шизофрения. Во время осмотра его психическое состояние было удовлетворительным, и он не нуждался в активном лечении».

В отношении поведения заявителя после инцидента 2 июля 2002 года и его перевода с обычного отделения в медицинское начальник указал следующее:

«3 июля 2002 года г-н Кучерук был осмотрен [психиатром СИЗО], который поставил ему диагноз – шизофрения и кататонический ступор, ему было назначено соответствующее лечение.

4 июля 2002 года пациент вышел из кататонического ступора..., однако у него все еще были конфликты с сокамерниками.

Соответственно, на основании обобщенных данных о неадекватном поведении г-на Кучерука, дежурным охранникам были даны инструкции на случай его возможных насильственных действий в отношении сокамерников и работников СИЗО».

В постановлении от 4 марта 2004 года также указывается, что вслед за инцидентом 8 июля 2002 года заявителя поместили в карцер за грубое нарушение режима содержания. Учитывая психическое состояние заявителя, фельдшер, который проводил его осмотр после инцидента, порекомендовал держать его в наручниках.

В отношении времени перевода заявителя в больницу, начальник СИЗО указал, что:

«Решение [Коминтерновского суда от 5 июля 2002 года] не содержало каких-либо указаний о немедленном исполнении. В нем был указан пятнадцатидневный срок для апелляции; следовательно, срок, предусмотренный статьей 404 Уголовно-процессуального кодекса для исполнения этого решения, был соблюден, так как заявитель был переведен в [больницу] 17 июля 2002 года».

55. 1 октября 2004 года Октябрьский суд по жалобе адвоката заявителя отменил это постановление и признал необходимым дальнейшее расследование. Суд отметил следующие нарушения:

- отсутствует оценка показаний матери заявителя в отношении состояния его здоровья в июле-августе 2002 года;
- отсутствует оценка законности и обоснованности действий охранников с точки зрения запрета унижающего достоинство обращения;
- отсутствует вывод о том, составляло ли поведение заявителя такое нарушение режима содержания, которое заслуживало помещения в карцер;
- отсутствует вывод о пропорциональности использования силы;
- расследование проводил начальник СИЗО, то есть лицо, чья беспристрастность в высшей степени сомнительна.

56. Материалы были переданы в Харьковскую областную прокуратуру для дополнительной проверки. В постановлении от 1 ноября 2004 года прокурор отдела по надзору за учреждениями исполнения наказаний Харьковской областной прокуратуры пришел к такому же выводу, что и начальник СИЗО, т.е. что заявитель мог содержаться в СИЗО и что соответствующий персонал действовал надлежащим образом на основании данных ему распоряжений и соответствующих инструкций. Прокурор сослался в этом отношении на доказательства, собранные при проверке начальником СИЗО, и на показания психиатра СИЗО о том, что обычно для успокоения психически больных пациентов используются определенные медикаменты, однако если эти медикаменты отсутствуют, для обездвижения таких пациентов используются специальные средства. Прокурор также согласился с выводом начальника СИЗО о том, что поведение заявителя составляло грубое нарушение правил содержания в СИЗО и заслуживало помещения его в карцер. Мать заявителя обжаловала это постановление.

57. 30 июля 2005 года Червонозаводский районный суд г. Харькова (далее – «Червонозаводский суд») отменил это постановление и посчитал необходимой дальнейшую проверку, поскольку органы расследования не выполнили указания Октябрьского суда.

58. 6 сентября 2005 года старший прокурор отдела по надзору за учреждениями исполнения наказаний Харьковской областной прокуратуры после дополнительной проверки решил не предъявлять обвинения кому-либо из персонала СИЗО. В своем постановлении он по существу повторил выводы постановления от 1 ноября 2004 года о том, что заявитель мог содержаться в СИЗО и что в действиях персонала СИЗО не было нарушений. Старший прокурор утверждал, кроме всего прочего, что содержание заявителя под стражей после 12 июня 2002 года основывалось на письме начальника следственного отдела Коминтерновского районного отдела милиции о том, что дело заявителя было передано в Коминтерновскую районную прокуратуру для одобрения. В отношении помещения заявителя на десять суток в карцер, он решил, что «серьезность наложенного взыскания полностью соответствовала характеру совершенного нарушения». Он также установил, что заявитель содержался в СИЗО до 17 июля 2002 года вследствие пятнадцатидневного срока для вступления решения от 5 июля 2002 года в силу. Хотя судебно-медицинское освидетельствование от 14 августа 2002 года отметило, что заявитель был скован наручниками охранниками СИЗО, проверка не установила, был ли заявитель все время скован наручниками между 8 и 15 июля 2002 года. Старший прокурор пришел к выводу, что нет доказательств того, что должностные лица СИЗО действовали недобросовестно или в нарушение соответствующего законодательства и нормативных актов, когда применили к заявителю резиновые дубинки и наручники, поместили его в карцер и удерживали его в СИЗО до 17 июля 2002 года.

59. 28 октября 2005 года мать заявителя обжаловала это постановление в Червонозаводский суд, в котором рассмотрение до настоящего времени не завершено.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА

A. Конституция Украины

60. Соответствующие выдержки из Конституции предусматривают следующее:

«Статья 28

Каждый имеет право на уважение его достоинства.

Никто не может подвергаться пыткам, жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению...

Статья 29

Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность.

Никто не может быть задержан или содержаться под стражей кроме как по мотивированному решению суда и только на основаниях и в порядке, установленных законом...»

В. Уголовный кодекс от 5 апреля 2001 года

1. Психически больные преступники

61. Текст статьи 19 и статьями 92 и 94-96 Уголовного кодекса от 5 апреля 2001 года можно найти в решении Суда по делу *Горшков против Украины* (№ 67531/01, § 28, 8 ноября 2005).

2. Уголовная ответственность за превышение власти и служебную халатность

62. Статья 365 Кодекса предусматривает:

«Превышение власти или служебных полномочий, то есть умышленное совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы предоставленных ему прав либо полномочий, если они причинили существенный вред государственным либо общественным интересам или охраняемым законом правам и интересам граждан или юридических лиц, наказывается...»

63. Статья 367 Кодекса предусматривает ответственность за служебную халатность:

«Служебная халатность, то есть неисполнение или ненадлежащее исполнение должностным лицом своих служебных обязанностей вследствие недобросовестного отношения к ним, причинившее существенный вред государственным либо общественным интересам либо охраняемым законом интересам граждан или юридических лиц, наказывается...»

С. Уголовно-процессуальный кодекс 1960 года

1. Расследование преступлений

64. Соответствующие положения УПК, регулирующие проведение досудебного расследования, изложены Судом в решении по делу

Сергея Шевченко против Украины (№ 32478/02, §§ 38 и 39, 4 апреля 2006).

65. Статья 101 перечисляет органы расследования. Обычно эти функции выполняет милиция. Однако пункт 5 статьи 101 также наделяет такими полномочиями руководство тюрем и следственных изоляторов, которые проводят расследования преступлений, совершенных работниками тюрьмы, включая нарушение тюремных правил.

2. Меры пресечения

66. Статьи 148 (цели и основания применения мер пресечения) и 149 (меры пресечения), 150 (обстоятельства, учитываемые при избрании меры пресечения) и статья 156 (сроки содержания под стражей) УПК можно найти в деле *Невмержицкого против Украины* (№ 54825/00, § 53, ECHR 2005).

67. Статья 155 УПК в соответствующей части предусматривает следующее:

«Заключение под стражу в качестве меры пресечения применяется по делам о преступлениях, за которые законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше трех лет...

Местами предварительного заключения для содержания лиц, в отношении которых в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу, являются следственные изоляторы».

68. Статья 237 УПК в соответствующей части предусматривает:

«По делу, поступившему от прокурора [с обвинительным заключением], судья выясняет в отношении каждого из обвиняемых следующие вопросы:

...4) нет ли оснований для изменения, отмены или избрания меры пресечения;...»

69. Статья 241 УПК предусматривает:

«Дело должно быть назначено к предварительному рассмотрению не позднее десяти суток, а в случае сложности дела – не позднее тридцати суток со дня поступления его в суд».

3. Стационарная судебно-медицинская экспертиза в медицинских учреждениях

70. Статья 205 УПК предусматривает:

«Если при производстве судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы возникает необходимость длительного наблюдения за обвиняемым или исследования его, суд по представлению следователя, согласованному с прокурором или его заместителем, помещает его в соответствующее медицинское учреждение, о чем выносит постановление».

4. Рассмотрение апелляции

71. Статья 347 Кодекса предусматривает:

«Апелляция может быть подана:

... 2) на постановления о применении или неприменении принудительных мер воспитательного и медицинского характера, вынесенные местными судами».

72. В соответствии со статьей 349 Кодекса:

«Апелляция на приговор, определение или постановление суда первой инстанции, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом, может быть подана в течение пятнадцати суток с момента их провозглашения...»

5. Исполнение постановления

73. Статья 402 УПК предусматривает:

«Определение и постановление суда первой инстанции, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом, вступают в законную силу и исполняются по истечении срока на подачу апелляций».

6. Применение принудительных мер медицинского характера

74. Статьи 416 (основания к применению принудительных мер медицинского характера) и 422 (отмена или изменение принудительных мер медицинского характера) УПК изложены в деле *Горшкова* (цит. выше в § 31).

75. Статья 424 предусматривает:

«На определение, постановление, вынесенные судьей или судом в порядке, предусмотренном настоящим разделом, может быть подана апелляционная или кассационная жалоба либо внесено апелляционное или кассационное представление прокурора в общем порядке».

76. В соответствии со статьей 417 УПК:

«Досудебное следствие по делам об общественно опасных деяниях, совершенных лицами в состоянии невменяемости или ограниченной вменяемости, а также о преступлениях лиц, совершивших его в состоянии вменяемости, но заболевших психическим заболеванием до постановления приговора, производится органами досудебного следствия по правилам, предусмотренным статьями 111–130, 148–222 настоящего Кодекса.

По окончании досудебного следствия, если будет установлена невменяемость или ограниченная вменяемость лица, совершившего общественно опасное деяние, составляется постановление о направлении дела в суд для разрешения вопроса о применении принудительных мер медицинского характера... Это постановление вместе с делом направляется прокурору».

77. Статья 418 УПК предусматривает следующее:

«Получив дело с постановлением, составленным в соответствии со статьей 417 настоящего Кодекса, прокурор:

1) согласившись с постановлением, утверждает его и направляет дело в суд;

2) признав, что ... обстоятельства, собранные по делу, являются недостаточными для того, чтобы сделать вывод о психическом состоянии обвиняемого, или что по делу не собрано достаточных доказательств о том, что общественно опасное деяние, в отношении которого производилось досудебное следствие, совершено данным лицом, возвращает дело со своим письменным указанием следователю для производства дополнительного досудебного следствия».

78. Статья 419 УПК в соответствующей части предусматривает:

«Дела, поступившие в суд от прокурора в порядке, предусмотренном статьей 418 настоящего Кодекса, судья или председатель суда, если согласится с постановлением следователя, вносит непосредственно в судебное заседание.

Рассмотрение указанных дел производится в открытом судебном заседании с обязательным участием прокурора и защитника по правилам, предусмотренным главами 25 и 26 [статьи 283-317] настоящего Кодекса».

79. В соответствии со статьей 421 УПК:

«Если будет установлено, что [психически больное] лицо совершило общественно опасное деяние в состоянии невменяемости или ограниченной вменяемости, либо после совершения преступления заболело психическим заболеванием ... суд, если признает необходимым, выносит определение, а судья – постановление о применении в отношении этого лица принудительных мер медицинского характера, с указанием каких именно».

D. Гражданский процессуальный кодекс 1963 года

80. Статья 221 ГПК предусматривает в соответствующей части:

«Суд должен приостановить рассмотрение дела, если ... невозможно рассмотреть это дело до окончания другого гражданского, уголовного или административного процесса».

81. Статья 256 ГПК предусматривает, что близкие родственники психически больного, гражданский организации, прокурор или органы опеки и попечительства могут подать заявление в суд о признании психически больного ограничено дееспособным.

82. В соответствии со статьей 257 ГПК в заявлении о признании гражданина ограничено дееспособным, должны быть изложены обстоятельства, подтверждающие его психическое заболевание, вследствие которого лицо не может осознавать значение своих действий и руководить ими.

83. Статья 258 ГПК уполномочивает суд назначить, при наличии достаточных оснований, судебно-психиатрическую экспертизу. В исключительных случаях, когда указанное лицо уклоняется от прохождения экспертизы, суд может назначить принудительное прохождение судебно-психической экспертизы.

Е. Закон «О предварительном заключении» 1993 года

84. Статья 8 Закона предусматривает:

«Взятых под стражу лиц содержат в общих камерах. В исключительных случаях...или при наличии медицинских оснований по мотивированному постановлению лица, учреждения, начальника учреждения предварительного заключения, задержанного могут содержать в одиночных камерах».

85. Статья 18 Закона предусматривает правила применения силы работниками места предварительного заключения. Работники места предварительного заключения имеют право применять к заключенным физическую силу, специальные средства, в том числе огнестрельное оружие. Применению силы должно предшествовать предупреждение, если позволяют обстоятельства. В случае невозможности избежать применения силы, она не должна превышать меры, необходимой для исполнения возложенных на администрацию обязанностей и должна сводиться к причинению наименьшего вреда здоровью правонарушителей. Работники мест предварительного заключения имеют право применять силу и специальные средства, в том числе приемы рукопашного боя, наручники, дубинки и т. д. для прекращения физического сопротивления, насилия, буйства, преодоления противодействий законным требованиям администрации, если другие способы не обеспечили исполнения возложенных на нее обязанностей. Запрещается применять специальные средства и оружие к женщинам с явными признаками беременности, к лицам преклонного возраста или к лицам с выраженными признаками инвалидности, к несовершеннолетним, кроме случаев совершения ими группового нападения, которое угрожает жизни или здоровью работников мест предварительного заключения и других лиц.

86. Начальник места предварительного заключения при необходимости имеет право поместить заключенного в карцер для прекращения физического сопротивления, насилия, буйства, преодоления противодействий законным требованиям администрации.

87. Выбор специальных средств, время и степень их использования определяются в зависимости от обстоятельств, характера правонарушения и личной характеристики нарушителя.

88. Работник места предварительного заключения, применивший силу или специальные средства, должен немедленно рапортом сообщить об этом своему непосредственному начальнику для немедленного оповещения прокурора. Все лица, к которым применялись сила или специальные средства должны быть немедленно осмотрены медиком.

Ф. Закон «О психиатрической помощи» 2000 года

89. Соответствующие положения этого Закона изложены в деле *Горшкова* (цит. выше в § 30).

Г. Постановление Кабинета министров Украины № 49 от 27 февраля 1991 года об утверждении правил применения специальных средств при охране общественного порядка

90. Пункт 4 Постановления предусматривает обстоятельства, при которых могут применяться специальные средства, в том числе необходимость их применения для прекращения сопротивления работникам милиции и другим лицам, находящимся на охране общественного порядка.

91. Пункт 6 Постановления предусматривает, что решение о применении специальных средств принимает должностное лицо, ответственное за обеспечение общественного порядка, либо руководитель конкретной операции. Лицо, принявшее такое решение, должно немедленно письменно сообщить об этом непосредственному начальнику.

92. Пункт 7 Постановления обязывает работников милиции, которые применили специальные средства, незамедлительно обеспечить медицинскую помощь пострадавшему.

93. Пункт 14 Постановления запрещает нанесение ударов резиновой дубинкой по голове, шее, области ключицы, животу, половым органам.

Н. Приказ № 346.877 Министерства здравоохранения от 19.12.2000 года о мерах по предупреждению опасных действий со стороны лиц, страдающих тяжелыми психическими заболеваниями

94. В соответствии с пунктом 2.5 Приказа № 346/877 медицинское учреждение обязательно должно сообщить соответствующему отделению милиции о том, что вскоре будет освобожден психически больной пациент.

И. Приказ Министерства здравоохранения № 397

95. Соответствующие выдержки из приказа Министерства Здравоохранения № 397 от 08.09.2001 года в отношении процедуры применения принудительных мер медицинского характера в психиатрических больницах к психически больным лицам, которые совершили общественно опасные деяния (одобренный Верховным

Судом Украины, МВД, Генеральной прокуратурой) изложены в деле *Горшкова* (цит. выше, § 32).

96. Соответствующие выдержки из Правил по применению принудительных мер медицинского характера к психически больным лицам, совершивших общественно опасные деяния (утвержденных приказом Министерства здравоохранения № 397) также изложены в деле *Горшкова* (цит. выше, § 33).

Ж. Постановление Пленума Верховного Суда Украины о судебной практике по делам о превышении власти или служебных полномочий № 15 от 26 декабря 2003 года

97. В соответствии с пунктом 8 Постановления насилие как элемент превышения власти может быть как физическим, так и психологическим. Физическое насилие может заключаться, кроме всего прочего, в незаконном лишении свободы, побоях.

98. Пункт 9 Постановления предусматривает, что незаконные действия, составляющие превышение власти, подпадают под действие уголовного закона, если они являются болезненными или унижающими личное достоинство, и Верховный Суд провозглашает, что «болезненными или унижающими достоинство» действиями должны считаться такие, которые причиняют физическую боль или моральные страдания потерпевшему. Эти действия, кроме прочего, могут состоять в противоправном применении милицией специальных средств, таких как дубинки и наручники.

К. Постановление Пленума Верховного Суда Украины о практике применения судами принудительных мер медицинского характера № 2 от 19 марта 1983 года и Постановление Пленума Верховного Суда Украины о практике применения судами принудительных мер медицинского характера и принудительного лечения № 7 от 3 июня 2005 года

99. Постановление 1983 года было в силе в соответствующее время. В 2005 его заменило постановление № 7 от 3 июля 2005 года.

100. В обоих Постановлениях (пункты 9 и 15 соответственно) Верховный Суд, толкуя национальное законодательство, определяющее виды принудительных мер медицинского характера, установил, что суд при назначении принудительного лечения лицу, в отношении которого применена мера пресечения, должен одновременно прекратить меру пресечения с момента поступления лица в психиатрическое учреждение.

L. Соблюдение прав человека в местах предварительного заключения. Выдержки из докладов Уполномоченного по правам человека Верховной Рады Украины 2001 (первый годовой доклад) и 2002 (второй годовой доклад).

101. Соответствующие положения первого и второго отчетов изложены в деле *Невмержицкого* (цит. выше в §§ 60 и 61).

III. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

102. Соответствующие выдержки из Рекомендаций № R (87) Комитета Министров Совета Европы относительно Европейских пенитенциарных правил (принятых Комитетом Министров 12 февраля 1987 года на 404-й встрече Представителей Министров) предусматривают следующее:

«Медицинское обслуживание

26.1. Каждое пенитенциарное учреждение должно обслуживаться хотя бы одним врачом общей практики. Организация медицинского обслуживания должна осуществляться в тесном контакте с администрацией местной или национальной службы здравоохранения. Оно должно включать психиатрическую службу, обеспечивающую диагностику и, если необходимо, лечение психических расстройств.

2. Заключенные, нуждающиеся в специализированной медицинской помощи переводятся в специализированные учреждения или общегражданские больницы, в тех случаях, когда в месте лишения свободы имеется стационар, он должен быть оснащен оборудованием и фармацевтическими средствами, позволяющими обеспечить должную заботу и лечение больным заключенным, а соответствующий персонал должен обладать достаточной профессиональной подготовкой.

30.1. Надзор за физическим и психическим здоровьем заключенных возлагается на врача, который производит осмотр всех больных заключенных в условиях и с соблюдением периодичности, которые предусматриваются больничными нормами, а также осматривает всех тех, кто заявляет о заболевании или травме, и тех, кто требует особого внимания.

2. Врач представляет директору доклад всякий раз, когда находит, что дальнейшее пребывание в заключении или какие-либо условия содержания в заключении нанесли или нанесут ущерб физическому или психическому здоровью заключенного.

Дисциплина и наказание

38.1. Водворение заключенного в дисциплинарный изолятор в качестве наказания, а также любое другое наказание, которое может отрицательно сказаться на физическом или психическом здоровье заключенного, может быть применено только при условии, если врач после медицинского обследования

заклученного письменно удостоверит, что данный заклученный может по состоянию здоровья вынести такое наказание.

Средства сдерживания

39. Запрещается использование цепей и кандалов. Наручники, смирительные рубашки и другие подобные средства, ограничивающие движение, ни при каких обстоятельствах не должны применяться в качестве наказания. Они могут быть использованы только в следующих случаях:

а) в качестве меры предосторожности, чтобы предотвратить возможный побег при перевозке, при условии, что они будут сняты, как только заклученный будет доставлен в судебный или административный орган, если только данным органом не принято иное решение;

б) по причинам медицинского характера по указанию и под надзором врача;

с) по приказу директора, если иные способы воздействия на заклученного потерпели неудачу, чтобы помешать ему причинить физическую травму самому себе или другим или нанести серьезный материальный ущерб; в этом случае директор должен срочно проконсультироваться с врачом и доложить в вышестоящую административную инстанцию.

40. Способы и методы применения средств сдерживания, разрешенных предыдущей статьей, определяются законом или иным действующим нормативным актом. Длительность их применения ни в коем случае не должна выходить за пределы необходимости.

Душевнобольные заклученные и заклученные с психическими отклонениями

100.1. Душевнобольные не должны содержаться в пенитенциарных учреждениях. Принимаются меры для их скорейшего перевода в соответствующие заведения для душевнобольных.

2. Должны быть созданы специальные заведения или отделения под медицинским контролем для наблюдения за заклученными, страдающими другими психическими заболеваниями и расстройствами, и их лечения.

3. Медицинская или психиатрическая служба места лишения свободы обеспечивает психиатрическое лечение всех заклученных, которые в нем нуждаются».

103. Соответствующие выдержки из доклада Европейского комитета по предупреждению пыток [СРТ/Inf (2004) 34] по результатам визита в Украину с 10 по 26 сентября 2000 года содержит следующее:

«Комитет хотел бы подчеркнуть, что все психически больные заклученные, включая осужденных пожизненно, должны получать лечение в медицинском учреждении, соответствующим образом оснащенном и укомплектованном компетентными врачами. Вынуждая таких заклученных оставаться в тюрьме, где они не могут получить соответствующее лечение, в виду отсутствия подходящих учреждений или потому, что такое учреждение отказывается

принять их, – неприемлемое положение вещей. Передачу душевнобольных заключенных соответствующему психиатрическому учреждению нужно считать высоким приоритетом».

ПРАВО

I. УТВЕРЖДАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЕЙ 3 И 13 КОНВЕНЦИИ

104. Заявитель жаловался на необоснованное и несоразмерное использование силы персоналом СИЗО в ходе его содержания под стражей, на содержание его в наручниках во время пребывания в карцере, на неадекватное лечение и медицинскую помощь в ходе содержания под стражей и на отсутствие эффективного и независимого расследования утверждений о дурном обращении. Он ссылаясь на статью 3 Конвенции, которая предусматривает:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

Заявитель также ссылаясь на статью 13 Конвенции, которая предусматривает:

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

A. Приемлемость

1. Исчерпание национальных средств правовой защиты

105. Правительство утверждало, что жалоба заявителя в отношении дурного обращения является преждевременной, поскольку уголовное расследование в этом отношении еще не закончено. Они также ссылались на возможность предъявить иск к органам власти о возмещении вреда в гражданском порядке.

106. Правительство также утверждало, что заявитель не исчерпал доступных ему национальных средств правовой защиты, как это предусмотрено статьей 35 § 1 Конвенции, поскольку не возбудил гражданского процесса в отношении условий его содержания под стражей или не поставил перед администрацией СИЗО вопрос о его переводе в другую камеру или о неадекватности условий его содержания. Он также не подал жалобу на неадекватное медицинское

обслуживание в отношении персонала СИЗО в контексте уголовного расследования.

107. Заявитель утверждал, что средства правовой защиты, на которые ссылается Правительство, в его случае оказались неэффективными.

108. Суд напоминает, что правило исчерпания национальных средств правовой защиты, о котором говорит статья 35 § 1 Конвенции, обязывает заявителей использовать в первую очередь средства правовой защиты, обычно имеющиеся в национальной правовой системе и достаточные, чтобы дать им возможность получить возмещение за утверждаемые нарушения. Наличие таких средств правовой защиты должно быть достаточно определенным как в теории, так и на практике, без чего им будет недоставать доступности и эффективности. Статья 35 § 1 также требует, чтобы все требования, которые затем будут заявлены в Суде, были заявлены в соответствующих национальных органах, по крайней мере, по существу и в соответствии с формальными требованиями национального права, однако не нужно обращаться к средствам правовой защиты, которые не являются адекватными и эффективными (см. решения по делам *Aksoy v. Turkey* от 18 декабря 1996 года, *Reports* 1996-VI, §§ 51–52, и *Akdivar and Others v. Turkey* от 16 сентября 1996 года, *Reports of Judgments and Decisions* 1996-IV, §§ 65–67).

109. Суд подчеркивает, что при применении правила исчерпания национальных средств правовой защиты нужно придавать должное значение тому, что оно применяется в контексте механизма защиты прав человека, который государства – участники Конвенции согласились создать. Соответственно, Суд признал, что статья 35 § 1 должна применяться с определенной степенью гибкости и без излишнего формализма. Он также признал, что правило исчерпания национальных средств правовой защиты не является ни безусловным, ни применяемым автоматически; для того, чтобы определить, было ли оно соблюдено, важно принять во внимание обстоятельства каждого случая. Это, кроме всего прочего, означает, что Суд должен реалистично оценить не только наличие средств правовой защиты в правовой системе соответствующего государства-участника, но также общий контекст, в котором они действуют, а также личные обстоятельства заявителя (см. решения по делу *Akdivar and Others*, цитируемое выше, с. 1211, § 69, и по делу *Aksoy*, цитируемое выше, р. 2276, §§ 53 и 54).

110. Суд в первую очередь рассмотрит доводы Правительства в отношении жалоб заявителя о несоразмерном применении силы и наручников.

111. Правительство-ответчик сослалось на два пути, доступных заявителю, а именно на иск о взыскании вреда и на жалобу в уголовном порядке.

112. В отношении первого заявленного средства, Суд отмечает, что Правительство не указало, в соответствии с какой процедурой (гражданской, административной или иной) такой иск мог бы быть заявлен в суд. Суду не было предоставлено каких-либо решений, в которых национальные суды могли бы, при отсутствии каких-либо результатов уголовного расследования, рассмотреть по существу требования, касающиеся утверждаемых тяжких уголовных преступлений. Кроме того, действующая статья 221 ГПК запрещает разрешение гражданского дела, пока не разрешено уголовное дело в отношении соответствующих фактов (см. § 78 выше). В свете вышесказанного Суд считает, что заявитель для исчерпания национальных средств правовой защиты не был обязан подавать гражданский иск, и предварительное возражение в этом отношении необоснованно.

113. Что касается уголовно-правовых средств защиты, Суд отмечает, что в отношении обстоятельств содержания под стражей в СИЗО и, в особенности, событий 8 июля 2002 года, было открыто уголовное расследование. Первые два раунда предварительной проверки были проведены начальником СИЗО, который представлял собой орган власти, причастный к событиям. Проверка прокуратуры началась спустя более двух лет после оспариваемых событий и до сих пор продолжается. Она не привела к предъявлению обвинения каким-либо должностным лицам.

114. Суд считает, что в этой части предварительных возражений Правительства поднимаются вопросы об эффективности уголовного расследования по установлению соответствующих фактов и определению ответственности за события, о которых и идет речь в жалобах заявителя. Эти вопросы тесно связаны с существом жалоб заявителя в соответствии со статьями 3 и 13 Конвенции. При таких обстоятельствах Суд присоединяет предварительные возражения к существу жалоб заявителя.

115. Следующим Суд рассмотрит доводы Правительства в отношении неисчерпания национальных средств правовой защиты в отношении жалоб на медицинскую помощь во время содержания под стражей. Правительство утверждает, что заявитель должен был пожаловаться на медицинскую помощь администрации СИЗО, что он мог предъявить гражданский иск к СИЗО, и что он должен был поднять эти вопросы в ходе расследования.

116. Суд в первую очередь отмечает, что хотя заявитель действительно не подавал администрации СИЗО каких-либо жалоб в отношении условий своего содержания под стражей (сравни с решением по делу *Khokhlich v. Ukraine*, no. 41707/98, § 151, 29 апреля 2003 года), необходимо, тем не менее, принять во внимание, что в течение содержания под стражей в обычной камере (с начала июня до

2 июля 2002 года, см. параграфы 15 и 19 выше), которое, кажется, стало причиной наибольших жалоб заявителя, его психическое состояние было таким, что существенно подрывало его способность общаться с внешним миром. Также следует отметить, что с самого начала администрация СИЗО хорошо знала о психических проблемах заявителя, а после судебно-психиатрической экспертизы в мае 2002 года – и о том, что его нельзя содержать в обычной камере. Суд отмечает, что заявителю был поставлен диагноз «шизофрения» не позднее 15 апреля 2002 года, а наручники к нему применили не позднее 8 июля 2002 года. При таких обстоятельствах нельзя ожидать, что заявитель предъявит администрации СИЗО определенные жалобы об условиях содержания под стражей. Следовательно, Правительство не доказало, что в особых обстоятельствах заявителю было необходимо обращаться к органам власти с жалобами. Таким образом, этот довод должен быть отвергнут.

117. Что касается возможности предъявить гражданский иск в отношении условий содержания под стражей, Суд напоминает, что статья 35 § 1 требует, чтобы национальных средства правовой защиты были не только доступны, но и давали возможность исправить утверждаемое нарушение прав лица по Конвенции. В этом отношении Суд отмечает, что Правительство не показало, каким образом обращение в гражданский суд могло улучшить условия содержания заявителя под стражей. Также оно не предоставило какого-либо примера из национальной судебной практики, чтобы показать, что такой иск, поданный заключенным, имел какие-либо перспективы (см. решение по делу *Хохлича (Khokhlich)*, цитируемое выше в § 153). Суд, следовательно, отклоняет этот аргумент.

118. Поскольку Правительство утверждает, что заявитель четко не ставил вопрос о медицинской помощи в своих жалобах органам прокуратуры, расследовавшим действия должностных лиц СИЗО, необходимо заметить, что вопрос о содержании заявителя в СИЗО, то есть в учреждении, которое не предназначено для содержания психически больных заключенных, составлял сердцевину заявлений матери о возбуждении уголовного дела. Вопрос о соответствии условий содержания заявителя под стражей национальному правовому порядку был полностью на виду у национальных органов власти, и довод Правительства должен быть отклонен.

119. Поэтому суд присоединяет предварительное возражение в отношении эффективности уголовного расследования к существу жалоб заявителя по статьям 3 и 13 Конвенции и отклоняет остальные возражения Правительства о неисчерпании национальных средств правовой защиты.

2. Соответствие правилу шести месяцев

120. Правительство заявляло, что поскольку заявитель ссылаясь на отсутствие эффективных средств правовой защиты, его жалоба о несоразмерном применении силы должна была бы быть подана в течение шести месяцев со времени действий, возможно составляющих нарушение Конвенции. Оно утверждало, что спорное событие произошло 8 июля 2002 года, а заявление было подано в Суд 29 декабря 2003 года, то есть более чем шесть месяцев спустя.

В отношении жалоб на медицинские условия, Правительство предположило, что шестимесячный срок начал течь 25 июля 2002 года, когда мать заявителя подала жалобу о возбуждении уголовного дела.

121. Заявитель возражал на это, что он никогда не утверждал, что не существует каких-либо средств правовой защиты от нарушения статьи 3 в принципе. Он скорее доказывал, что это средство правовой защиты – уголовное расследование – оказалось в данном случае неэффективным на практике.

122. Поскольку Правительство доказывает, что жалобы о несоразмерном использовании силы были поданы с пропуском срока, то есть поданы более чем через шесть месяцев со времени спорных событий, Суд согласен с Правительством в том, что если никаких национальных средств правовой защиты не существует, шестимесячный срок, указанный в статье 35 § 1 Конвенции, начинается, как правило, течет с даты того действия, которое обжалуется в заявлении (сравни с решением по приемлемости по делу *Al Akidi v. Bulgaria*, no. 35825/97, 19 сентября 2000 года).

123. Однако особые соображения могут применяться в исключительных случаях, когда заявителя сначала обратился к национальным средствам правовой защиты и только впоследствии узнал, или должен был узнать, об обстоятельствах, которые превращают эти средства в неэффективные. В такой ситуации шестимесячный срок должен исчисляться со времени, когда заявитель узнал или должен был узнать об этих обстоятельствах (сравни с решением по приемлемости по делу *Ekinici v. Turkey*, № 27602/95, 8 июня 1999 года).

124. В данном деле после события 8 июля 2002 года, кажется, действительно были предприняты некоторые шаги по расследованию возможно несоразмерного использования силы, в том числе проведено судебно-медицинское освидетельствование телесных повреждений у заявителя и отобраны объяснения у свидетелей и должностных лиц, причастных к инциденту. Это расследование также касалось обстоятельств, относящихся к медицинским условиям заявителя и применению наручников (см. §§ 46–48 выше). Суд не считает неразумным для заявителя, – по крайней мере, вначале, – ожидать результатов уголовного расследования компетентными национальными органами. Суд согласен, что только после того, как он

получил второй неудовлетворительный ответ от начальника СИЗО (то есть того самого лица, чье решение об отказе в возбуждении уголовного дела он успешно оспорил в суде), у заявителя появились – 4 марта 2004 года – причины серьезно сомневаться в эффективности этого расследования. При таких обстоятельствах Суд согласен, что шестимесячный срок в значении статьи 35 § 1 Конвенции начал течь не ранее 4 марта 2004 года и, следовательно, жалоба в соответствии со статьей 3 Конвенции была подана в пределах этого срока.

125. В отношении доводов Правительства о медицинских условиях содержания под стражей, Суд отмечает, что, как сказано выше (см. § 118), этот вопрос заявитель поднял в своих заявлениях о возбуждении уголовного дела. Вопрос об адекватности лечения заявителя в течение его содержания под стражей в СИЗО рассматривался при проверке, начатой по его жалобам (см. §§ 54, 56 и 58 выше). Следовательно, соображения о значении этого уголовного расследования для определения начального момента исчисления шести месяцев (см. §§ 122–124) целиком применимы и здесь.

126. Поэтому Суд отклоняет это возражение.

3. Заключение

127. Суд отмечает, что эти жалобы не являются откровенно необоснованными в значении статьи 35 § 3 Конвенции. Он также отмечает, что они не являются неприемлемыми по каким-либо другим основаниям.

В. По существу

1. Статья 3 Конвенции

а. События 8 июля 2002 года

128. Заявитель утверждал, что органы власти знали или должны были знать о его ухудшившемся психическом состоянии и имели достаточно времени, чтобы предпринять соответствующие меры для предупреждения вспышки насилия с его стороны 8 июля 2002 года. Он полагал, что использование силы было неоправданным и чрезмерным. Заявитель также ставил под сомнение беспристрастность судебно-медицинской экспертизы августа 2002 года.

129. Правительство утверждало, что 8 июля 2002 года для сдерживания заявителя охранники применили только такую силу, необходимость которой была вызвана его собственным поведением. В частности, резиновые дубинки были использованы в строгом соответствии с соответствующим национальным законодательством.

Правительство также поставило под сомнение юридическую силу документа, составленного матерью заявителя и представителем правозащитной организации, в котором отмечены повреждения заявителя. Правительство подчеркнуло, что в соответствии с судебно-медицинской экспертизой от 14 августа 2002 года телесные повреждения заявителю были причинены после 17 июля 2002 года, то есть после его перевода из СИЗО.

130. Суд отмечает, что стороны согласны в том, что заявитель получил определенные телесные повреждения в ходе борьбы 8 июля 2002 года. Однако они расходятся в оценке степени этих телесных повреждений. Суд отмечает, что в соответствии с записями врача СИЗО от 8 июля 2002 года на плечах и ягодицах заявителя имелись «явные следы» или «телесные повреждения», которые произошли от применения резиновых дубинок и наручников (см. §§ 23 и 24 выше). Это говорит о том, что телесные повреждения у заявителя были достаточно серьезными, чтобы рассматривать дело в контексте статьи 3. Следовательно, нет необходимости решать спор о действительной степени телесных повреждений у заявителя, поскольку последующие соображения были бы применимы в любом случае.

131. Суд напоминает, что в отношении лица, лишённого свободы, применение физической силы, которая не оправдана строго его собственным поведением, унижает человеческое достоинство и является в принципе нарушением права, предусмотренного статьей 3 (сравни с решениями по делам *Ribitsch v. Austria* от 4 декабря 1995 года, Series A № 336, p. 26, § 38 и *Berliński v. Poland*, №№ 27715/95 и 30209/96, § 59, 20 июня 2002 года).

132. В данном случае заявитель получил телесные повреждения, когда охранники пытались прекратить его возбужденные действия, нанося ему удары резиновыми дубинками. Следует отметить, что после того, как заявитель напал на одного из заключенных 2 июля 2002 года, персонал, заступавший на смену, постоянно предупреждался о возможности насильственных вспышек у него. Следовательно, возбужденное поведение заявителя ни в коем случае не было неожиданным событием, на которое органы власти были вынуждены реагировать без предварительной подготовки. Три охранника, которые были причастны к событиям, превосходили по численности заявителя. Кроме того, ни на каком этапе расследования ни один свидетель не утверждал, что заявитель пытался напасть на охранников или на других заключенных (см., с поправками, решение по делу *Rehbock v. Slovenia*, № 29462/95, § 72, ECHR 2000-XII) или что его беспорядочные движения, определенные охранниками как буйство, представляли какую-то угрозу их здоровью или здоровью других заключенных. При таких обстоятельствах Суд полагает, что

использование резиновых дубинок в данном случае было неоправданным и составляло бесчеловечное обращение.

133. Следовательно, здесь было нарушение статьи 3 Конвенции.

b. Содержание в наручниках в карцере

134. Заявитель утверждал, что условия его содержания в карцере были неадекватными. В частности, он заявлял, что постоянное содержание его в наручниках и недостаточная медицинская помощь, предоставляемая ему в карцере, составляют нарушение статьи 3.

135. Правительство утверждало, что содержание заявителя в наручниках в карцере с 8 по 15 июля в данных обстоятельствах было соразмерной и необходимой мерой, учитывая поведение заявителя и угрозу, которую он представлял для себя и других. Хотя после событий 8 июля 2002 года заявитель не получал лечения из-за своего отказа от какой-либо медицинской помощи, его состояние здоровья находилось под постоянным медицинским наблюдением.

136. Правительство также утверждало, что помещение заявителя в карцер не являлось наказанием. Эта мера была предназначена для сдерживания заявителя и изоляции его от других задержанных, чтобы предупредить причинение им какого-либо дальнейшего вреда себе и другим.

137. Суд напоминает, что статья 3 Конвенции воплощает одну из самых фундаментальных ценностей демократического общества. Она безусловно запрещает пытки или бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание независимо от поведения потерпевшего (см., например, решение по делу *Labita v. Italy* [GC], № 26772/95, § 119, ECHR 2000-IV).

138. Рассматривая, является ли наказание или обращение «унижающим достоинство» в значении статьи 3, Суд будет также принимать во внимание, было ли их целью унижить и оскорбить заинтересованное лицо и причинило ли оно, поскольку речь идет о последствиях, вредные последствия его или ее личности способом, не совместимым со статьей 3 (сравни решение по делу *Raninen v. Finland* от 16 декабря 1997 года, *Reports* 1997-VIII, pp. 2821-22, § 55). Оно также определялось как такое обращение, которое вызывало чувство страха, отчаяния и неполноценности, способные унижить и оскорбить потерпевшего и, возможно, сломить его физическое и моральное сопротивление (см. решение по делу *Ireland v. the United Kingdom* от 18 января 1978 года, *Series A* № 25, p. 66, § 167).

139. Суд также отмечает, что использование наручников или других средств сдерживания как правило не вызывает вопросов с точки зрения статьи 3 Конвенции, если такие меры предпринимаются в связи с законным задержанием и не связаны с использованием силы или выставлением на публику, превышающим степень, которую можно

разумно считать необходимой (сравни решения по делам *Raninen v. Finland* от 16 декабря 1997 года, Reports of Judgments and Decisions 1997-VIII, § 56 и *Mathew v. the Netherlands*, № 24919/03, § 180, ECHR 2005). Более того, меры, вызванные терапевтической необходимостью с точки зрения устоявшихся принципов медицины, не могут, как правило, считаться бесчеловечными и унижающими достоинство. Тем не менее, Суд должен убедиться, что медицинская необходимость была убедительно доказана (см. решение по делу *Herczegfalvy v. Austria* от 24 сентября 1992 года, Series A № 244, § 83). В этом последнем отношении Суд должен удостовериться, что были соблюдены процессуальные гарантии при вынесении решения о применении средств сдерживания заявителя. Более того, способ применения к заявителю оспариваемых мер не должен переходить порога минимального уровня жестокости, установленного практикой Суда по статье 3 Конвенции (см., с поправками, решение по делу *Невмерзичский (Nevmerzhitsky) v. Ukraine*, № 54825/00, § 94, ECHR 2005).

140. Возвращаясь к обстоятельствам данного дела, Суд напоминает, что заявитель страдал хронической формой шизофрении, о чем органам власти стало известно не позднее 15 апреля 2002 года. История его пребывания в СИЗО обнаруживает эпизоды беспокойного поведения, в том числе агрессивные и насильственные вспышки. Во время событий 8 июля 2002 года заявитель, который содержался в медицинской части под наблюдением психиатра СИЗО, был избит резиновыми дубинками и закован в наручники. Затем заявитель был помещен в карцер на девять дней, семь из которых (до 15 июля 2002 года) он провел в наручниках, в качестве, как утверждается, приемлемой с медицинской точки зрения предосторожности против его насильственного поведения.

141. Суд отмечает, что, назначая заявителю одиночное содержание и круглосуточное пребывание в наручниках – доводы Правительства о том, что наручники снимались во время приема пищи, не подтверждены доказательствами, – администрация СИЗО полагалась только на мнение фельдшера и врача, не специализирующегося в психиатрии. Документы, предоставленные сторонами, доказывают, что психиатр СИЗО посетил заявителя не ранее 10 июля 2002 года, то есть через два дня после помещения его в карцер. Следовательно, в то время, когда было приказано содержать его в наручниках, администрация СИЗО не ссылаясь на заключение психиатра как в отношении дальнейшего лечения заявителя, так и в отношении возможности применения к нему таких мер. Также нет следов того, что к психиатру обращались за заключением на какой-либо последующей стадии или что врач, который посещал заявителя в карцере, проводил какую-либо специальную оценку необходимости соответствующих

мер или участвовал в решении вопроса о том, когда они должны быть прекращены.

142. Необходимость профессиональной оценки в данном деле была особенно значительна, поскольку, как это следует из утверждений психиатра в ходе последующего расследования (см. § 56 выше), использование наручников не было обычным методом сдерживания психически больных лиц и из применили только из-за отсутствие более подходящих средств.

143. Суд также не может согласиться с Правительством в том, что применение наручников было оправдано опасностью, которую заявитель представлял для окружающих. Заявитель был заперт в течение, по крайней мере, 23 часов в сутки в одиночной камере, и к нему имел доступ только персонал СИЗО. Более того, несмотря на его возбужденное поведение в камере, нет указаний на то, что заявитель когда-либо пытался напасть на кого-либо из персонала колонии или на врачей, посещавших его.

144. В отношении довода Правительства, что наручники применялись, чтобы предотвратить причинение вреда ему самому, Суд отмечает, что, как показывают медицинские записи СИЗО (см. § 25 выше), наручники не только сами по себе не помогли воспрепятствовать заявителю биться головой о стену или причинять себе другой вред, но они также причинили глубокие ссадины на запястьях заявителя (см. § 45 выше) из-за его постоянных попыток освободиться. Суд отмечает в этом последнем отношении, что не было сделано ничего, чтобы предотвратить получение повреждений заявителем или смягчить последствия применения наручников. Суд поражен тем, что хотя заявитель получил определенные телесные повреждения во время борьбы, а врачи наблюдали в нескольких случаях его действия, направленные на причинение себе повреждений, ему не была оказана какая-либо медицинская помощь по поводу этих повреждений. Довод Правительства о том, что заявитель отказался от лечения, неубедителен, учитывая психическое состояние заявителя.

145. В данном случае Суд полагает, что применение наручников к психически больному заявителю в течение семи дней, без какого-либо психиатрического обоснования или медицинской помощи в связи с повреждениями, причиненными во время его насильственного сдерживания и нанесенными себе в ходе содержания в карцере должно рассматриваться как бесчеловечное и унижающее достоинство обращение.

146. В свете вышеизложенного Суд считает, что здесь была нарушена статья 3 Конвенции.

с. Медицинская помощь и лечение, предоставленные заявителю

147. Заявитель утверждает, что ему не предоставлялась необходимая медицинская помощь во время его содержания под стражей в СИЗО с 16 апреля 2002 года до 17 мая 2002 года, а также с начала июня 2002 года и до 17 июля 2002 года. Правительство утверждало, что заявитель получал все необходимую медицинскую помощь во время содержания под стражей.

148. Суд напоминает, что органы власти обязаны охранять здоровье лиц, лишенных свободы (см. решение по делу *Hurtado v. Switzerland* от 28 января 1994 года, Series A № 280-A, мнение Комиссии, сс. 15–16, § 79). Отсутствие соответствующей медицинской помощи может превратиться в обращение, противоречащее статье 3 (см. решения по делам *İlhan v. Turkey* [GC], № 22277/93, § 87, ECHR 2000-VII и *Sarban v. Moldova*, № 3456/05, § 90, 4 октября 2005 года). В частности, при оценке того, соответствовало ли обращение или наказание стандартам статьи 3, нужно в отношении психически больных лиц принимать во внимание их уязвимость и неспособность в некоторых случаях внятно или вообще как-то выразить то, как на них сказался какой-либо отдельный вид обращения (см. решение по делу *Aerts v. Belgium* от 30 июля 1998 года, *Reports* 1998-V, p. 1966, § 66).

149. Суд также отмечает свои выводы в отношении одиночного заключения заявителя и содержания его в наручниках (см. параграфы 140-146 выше), которые сами по себе предполагают, что органы власти не обеспечили заявителю соответствующей медицинской помощи и лечения, пока он находился в карцере.

150. Суд также отмечает, что после первого обследования заявителя при поступлении 16 апреля 2002 года, после которого он был помещен в психиатрическое отделение СИЗО, не было никакого последующего упоминания о психиатре до 17 мая 2002 года, когда заявитель был переведен в больницу для судебно-медицинской экспертизы.

151. Заключение экспертов от 29 мая 2002 года рекомендовало предоставить заявителю лечение в специализированной больнице. Однако эта рекомендация не была выполнена немедленно и в начале июня 2002 года заявитель был вновь переведен в СИЗО и помещен в обычную камеру. В течение месяца после возвращения в СИЗО заявитель был обследован психиатром только один раз и оставался в обычной камере до своего нападения на заключенного 2 июля 2002 года. По мнению Суда, это не может считаться адекватным и разумным медицинским наблюдением, учитывая угрожающее состояние психического здоровья заявителя.

152. При таких обстоятельствах Суд полагает, что здесь было нарушение статьи 3 Конвенции ввиду отсутствия адекватной медицинской помощи и лечения в отношении заявителя во время его

содержания под стражей, составляющее бесчеловечное и унижающее достоинство обращение.

d. Эффективность расследования

153. Заявитель утверждает, что расследованию в отношении чрезмерного применения силы со стороны охранников СИЗО недоставало решающих процессуальных гарантий, оно не было независимым и длилось слишком долго.

154. Правительство заявило, что расследование утверждений заявителя о дурном обращении началось немедленно после того, как мать заявителя подала жалобу. По утверждению Правительства ход расследования, количество предпринятых действия и возвращение дела для дополнительного расследования судами показывают намерение государственных органов провести всестороннее и объективное расследование.

155. Суд напоминает, что если от человека поступает небезосновательное заявление о том, что с ним или с ней дурно обращались в полиции в нарушение статьи 3, это положение, в совокупности с общей обязанностью государства в соответствии со статьей 1 Конвенции «обеспечить каждому в пределах их юрисдикции права и свободы, определенные в ... Конвенции», подразумевает, что должно быть проведено эффективное официальное расследование. Это расследование должно быть способным привести к установлению и наказанию ответственных лиц (см. решения по делам *Assenov and Others* от 28 октября 1998 года, *Reports* 1998-VIII, § 102 и *Labita v. Italy* [GC], № 26772/95, § 131, ECHR 2000-IV). Минимальные стандарты эффективности, определенные в практике Суда, включают также требование того, чтобы расследование было независимым, беспристрастным и подлежало общественному контролю, и чтобы компетентные органы власти действовали с образцовой старательностью и быстротой (см., например, решение по делу *Менешева (Menesheva) v. Russia*, по. 59261/00, § 67, ECHR 2006-...).

156. Суд считает, что ввиду изложенных им выше выводов в отношении материальных жалоб заявителя о дурном обращении (см. параграф 132 выше), его адресованные национальным органам власти утверждения в этом отношении были, бесспорно, небезосновательными. Следовательно, органы власти обязаны были провести эффективное расследование обстоятельств утверждаемого дурного обращения с заявителем в заключении.

157. Суд отмечает, что первоначальная проверка жалоб заявителя о дурном обращении не удовлетворяла минимальным требованиям независимости, поскольку орган расследования – начальник СИЗО – представлял причастный орган власти. Расследование ограничилось установление того факта, что охранники использовали специальные

средства в согласии с соответствующим законодательством. Этот вывод был сделан на основании письменных показаний причастных охранников, принятых на веру, и краткого описания событий 2 и 8 июля 2002 года заключенными, которые содержались в одной камере с заявителем. Судебно-медицинская экспертиза телесных повреждений у заявителя была проведена через 37 дней после использования силы и не могла установить степень тяжести повреждений, полученных в том случае.

158. Более того, эта проверка мало удовлетворяла потребности в общественном контроле. Не оспаривается, что до 16 января 2003 года матери заявителя даже не сообщили о формальном отказе возбудить уголовное дело. Адвокат заявителя получил доступ к материалам дела только 14 августа 2003 года.

159. Хотя постановление начальника СИЗО от 21 августа 2002 года об отказе в возбуждении уголовного дела было отменено Октябрьским судом как незаконное, дополнительная проверка по делу была опять проведена тем же должностным лицом и закончилась таким же решением. Только после решения Октябрьского суда от 1 октября 2004 года, указавшего, кроме всего прочего, на недостаток беспристрастности такого расследования, дело было передано в Харьковскую областную прокуратуру.

160. Таким образом, Суд приходит к выводу, что независимое расследование по жалобам заявителя началось через два года и два месяца после событий. Хотя запоздалость такого расследования не обязательно означает, что оно обречено на провал, проверка, проведенная прокуратурой, не исправила недостатки первоначальных стадий расследования. В частности, не видно, чтобы заключенные, которые наблюдали события, были передопрошены после 20 августа 2002 года или что были сделаны какие-то попытки восполнить недостаток медицинской информации о телесных повреждениях, полученных заявителем.

161. Проверка по жалобам заявителя, таким образом, длится в течение пяти лет. Постановление прокурора от 6 сентября 2005 года об отказе в возбуждении уголовного дела было обжаловано заявителем в Червонозаводский суд, где оно до настоящего времени не рассмотрено (см. § 59 выше).

162. Суд также отмечает, что трижды национальные суды отменяли решения следственных органов об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении должностных лиц СИЗО ввиду недостаточности расследования. По мнению Суда, недостатки, установленные национальными судами, а также отсутствие независимости, быстроты и общественного контроля в отношении органов расследования дают достаточные основания для вывода, что расследования, которое до сих

пор не закончено, не отвечает минимальным стандартам эффективности.

163. При таких обстоятельствах Суд приходит к выводу, что здесь было процессуальное нарушение статьи 3 Конвенции. Следовательно, предварительные возражения Правительства (см. параграфы 105 и 114 выше) должны быть отклонены.

2. Статья 13 Конвенции

164. Заявитель утверждал, что была нарушена статья 13 Конвенции, поскольку государственные органы не провели эффективного расследования по его делу. Он заявлял, что расследованию в отношении чрезмерного применения силы со стороны охранников СИЗО не доставало решающих процессуальных гарантий, оно не было независимым и длилось слишком долго.

165. Правительство утверждало, что расследование в отношении утверждений заявителя о чрезмерном использовании силы являлось средством правовой защиты, которое было эффективно использовано заявителем. Кроме того, они ссылались на возможность взыскания вреда в гражданском суде.

166. Учитывая вышеизложенные выводы в отношении статьи 3 Конвенции о том, что органы власти не провели эффективного расследования по утверждениям заявителя о дурном обращении (см. §§ 156-163), Суд не видит необходимости рассматривать этот вопрос в контексте статьи 13 Конвенции.

III. УТВЕРЖДАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

167. Заявитель жаловался на то, что содержание его под стражей в СИЗО после истечения 15 июня 2002 года срока действия постановления о содержании под стражей и до доставления его в больницу 17 июля 2002 года, а также его содержание под стражей в психиатрической больнице после отмены 7 июля 2003 года принудительных мер медицинского характера и до его освобождения 2 сентября 2003 года, было незаконным в контексте статьи 5 § 1 Конвенции, которая предусматривает следующее:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

(b) законное задержание или заключение под стражу (арест) лица за неисполнение вынесенного в соответствии с законом решения суда или с целью обеспечения исполнения любого обязательства, предписанного законом;...

(c) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному

подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;...

(е) законное заключение под стражу ... душевнобольных...»

168. Заявитель также жаловался на то, что он не имел доступа к суду с целью проверки судом законности содержания под стражей в СИЗО и психиатрической больнице. В отношении этих жалоб заявитель ссылается на статью 5 § 4 Конвенции, которая предусматривает следующее:

«Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным».

А. В отношении приемлемости жалобы

1. Содержание под стражей в СИЗО

169. Правительство утверждало, что шестимесячный срок в отношении жалоб заявителя по статьям 5 §§ 1 и 4 Конвенции о нарушениях в его содержании под стражей начал течь с 17 июля 2002 года, когда заявитель был освобожден из СИЗО, в то время как заявитель обратился в Суд 29 декабря 2003 года. Следовательно, жалоба о его содержании под стражей между 15 июня и 17 июля 2002 года должна быть признана поданной с пропуском срока.

170. Заявитель утверждал, что хотя его представители знали о его задержании и содержании под стражей с апреля 2002 года, они получили доступ к материалам дела в отношении уголовного расследования против должностных лиц СИЗО только 14 ноября 2003 года, что и должно рассматриваться как начало течения шестимесячного срока в отношении этих жалоб.

171. Суд напоминает, что в соответствии с устойчивой практикой органов Конвенции, если не существует национальных средств правовой защиты, шестимесячный срок начинает течь с момента, когда произошли действия, возможно нарушающие Конвенцию; однако, когда это касается продолжающейся ситуации, он начинает течь с момента прекращения этой ситуации (см., например, решение по делу *Антоненков и другие против Украины*, по. 14183/02, § 32, 22 ноября 2005).

172. Жалобы заявителя в соответствии на основании статьи 5 в отношении его содержания под стражей в период до 17 июля 2002 года основывались на его утверждении, что применение соответствующего национального законодательства (см. параграфы

62-69 и 76-79 выше) привело к содержанию его под стражей в СИЗО сверх срока, разрешенного соответствующим постановлением суда. На основании статьи 5 § 4 он утверждал, что национальное законодательство не давало ему возможности оспорить его содержание под стражей по медицинским основаниям. Обе эти жалобы ссылались на национальное законодательство государства, в отношении которых нет средств правовой защиты. Заявитель действительно утверждал, что его представители получили доступ к материалам дела только 14 ноября 2003 года, однако, учитывая, что представители знали о задержании и содержании заявителя под стражей в 2002 году, это не имеет значения для определения того, была ли жалоба подана вовремя.

Более того, матери заявителя сообщили, что он переведен из СИЗО вскоре после 17 июля 2002 года, в то время как ее первое письмо было подано в Суд 29 декабря 2003 года, что составляет более чем шесть месяцев после получения этой информации.

173. Следовательно, вышеупомянутые жалобы были поданы после истечения шестимесячного срока, предусмотренного статьей 35 § 1 Конвенции, и должны быть отклонены на основании статьи 35 § 4.

2. Содержание заявителя в больнице

а. Статья 5 § 1 Конвенции

(i). Содержание заявителя в больнице с 7 июля до 6 августа 2003 года

174. Суд отмечает, что жалоба заявителя на основании статьи 5 § 1 в отношении его содержания в больнице в период между 7 июля 2003 года, когда Коминтерновский суд отменил назначенное ему принудительное лечение, и 6 августа 2003 года, когда тот же суд назначил ему обязательную судебно-медицинскую экспертизу, не является откровенно необоснованной в значении статьи 35 § 3 Конвенции. Суд также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо другим основаниям.

(ii). Содержание заявителя в больнице после 6 августа 2003 года

175. На основании постановления Коминтерновского суда от 6 августа 2003 года заявитель проходил стационарную судебно-психиатрическую экспертизу, которая продолжалась до 1 сентября 2003 года. 2 сентября 2003 года заявитель был освобожден. Заявитель жаловался, что лишение его свободы в течение этого периода непропорционально преследуемой цели. Правительство заявило, что содержание заявителя в течение этого периода законно и обоснованно.

176. Суд напоминает, что статья 5 § 1 содержит исчерпывающий перечень оснований для лишения свободы. Однако, применимость

одного основания не обязательно исключает применимость другого; содержание под стражей в зависимости от обстоятельств может быть оправданным с точки зрения более чем одного пункта (сравни с решением по делу *Harkmann v. Estonia*, № 2192/03, § 32, 11 июля 2006 года). В данном деле заявитель был обязан в соответствии со статьей 205 УПК пройти судебно-психиатрическую экспертизу, назначенную судом в контексте уголовного расследования против него. Суд считает, что содержание заявителя под стражей может рассматриваться с точки зрения пунктов (b), (c) и (e) статьи 5 § 1 Конвенции.

177. Исходя из представленных доказательств, Суд не видит никаких причин для вывода о том, что лишение заявителя свободы с 6 августа до 2 сентября 2003 года было «незаконным» в том смысле, что не было основано на национальном законодательстве. Также оно не было произвольным или преследовавшим скрытую цель в нарушение статьи 5 § 1 в совокупности со статьей 18 Конвенции.

178. Следовательно, эта часть заявления является откровенно необоснованной в значении статьи 35 § 3 Конвенции и поэтому должна быть отклонена на основании статьи 35 § 4.

b. Статья 5 § 4 Конвенции

179. Правительство утверждало, что заявитель имел возможность обжаловать судебное постановление о назначении ему принудительного лечения. Оно говорило, что заявитель не сделал всего возможного для исчерпания национальных средств защиты, как того требует статья 35 Конвенции, поэтому его жалоба должна быть признана неприемлемой. Заявитель не согласился.

180. Суд отмечает, что заявитель обжаловал не свое первоначальное помещение в больницу, а скорее невозможность инициировать судебный пересмотр законности и обоснованности содержания в больнице после 7 июля 2003 года, когда принудительное лечение было отменено. Поэтому это возражение следует отклонить.

181. Суд считает, что эта жалоба не является откровенно необоснованной в значении статьи 35 § 3 Конвенции. Также он считает, что она не является неприемлемой и по каким-либо другим основаниям.

В. Существо дела

1. Статья 5 § 1 Конвенции

182. Заявитель жаловался на то, что содержание под стражей с 7 июля 2003 года по 6 августа 2003 года было незаконным.

а. Доводы сторон

183. Правительство утверждало, что перевод заявителя в психиатрическую больницу был законно постановлен Коминтерновским судом 5 июля 2002 года. Решение о назначении принудительного лечения было пересмотрено и продлено судом 28 февраля 2003 года. 7 июля 2003 года Коминтерновский суд отменил принудительное лечение. Однако, по утверждению Правительства, это определение вступило в силу только 22 июля 2003 года, т.е. после окончания пятнадцатидневного срока для подачи апелляции. На следующий день копия этого определения с той же датой была отправлена в больницу. Больница получила эту копию только 4 августа 2003, и за этот срок государство не несет ответственности. Правительство заявляло, что больница решила не освобождать заявителя в течение еще двух дней, ссылаясь на требования приказа Министерства здравоохранения № 346/877 о том, что милицию нужно заранее уведомить об освобождении психически больного лица. 6 августа 2003 года Коминтерновский Суд назначил стационарную судебно-психиатрическую экспертизу заявителю, дав, таким образом, основания для дальнейшего содержания заявителя под стражей до 1 сентября 2003 года, когда упомянутая экспертиза была завершена.

184. В качестве альтернативы, Правительство заявляло, что содержание под стражей с 7 июля по 6 августа 2003 года оправдано, т.к. в постановлении от 7 июля 2003 года или постановлении Московского суда от 28 мая 2003 года о назначении судебно-психиатрической экспертизы заявителя в соответствии со статьей 258 ГПК есть указания о необходимости проведения судебно-психиатрической экспертизы заявителю.

185. Заявитель утверждал, что содержание его под стражей с 7 июля по 6 августа 2003 года не основывалось ни на одном действующем судебном решении и поэтому было незаконным.

б. Оценка Суда

186. Начиная с 17 июля 2002 года заявитель находился на стационарном лечении в больнице. Назначенное судом принудительное психиатрическое лечение было отменено 7 июля 2003 года. Однако заявитель не был освобожден из больницы до назначения Коминтерновским судом 6 августа 2003 года судебно-психиатрической экспертизы в соответствии со статьей 205 УПК.

(i) Содержание заявителя под стражей с 7 по 22 июля 2003 года

187. Правительство доказывало (см. параграф 183 выше), что судебное постановление от 7 июля 2003 года вступило в силу только после истечения 22 июля 2003 года срока на подачу апелляции.

Заявитель не возражал против такого толкования национального закона, и Суд в свете положений статьи 402 УПК в совокупности со статьями 349 и 424 УПК (см. параграфы 72, 73, 75 выше) не видит причин не согласиться с доводами Правительства. Из этого следует, что содержание заявителя под стражей в этот период было основано на решении от 5 июля 2002 года, которое было в силе до того, как решение о его отмене вступило в силу 22 июля 2003 года. Следовательно в этот период нарушения статьи 5 не было.

(ii) Содержание под стражей заявителя с 22 июля по 6 августа 2003 года

188. В отношении периода с 22 июля по 6 августа 2003 года Правительство заявляло, что содержание под стражей заявителя основывалось на решениях Московского и Коминтерновского судов от 28 мая 2003 и от 7 июля 2003 года соответственно или продолжалось в связи с необходимостью выполнения соответствующих административных формальностей. Суд рассмотрит эти аргументы по очереди.

189. 28 мая 2003 года Московский суд назначил экспертизу заявителя в контексте гражданского процесса в соответствии со статьей 258 ГПК (см. параграф 83 выше). Назначение статьи 258 не имело отчетливо в виду содержание под стражей, и, кажется, суд 28 мая 2003 года не имел намерения заключить заявителя под стражу на основании его решения. Поэтому Суд не может принять утверждения Правительства о том, что заключение заявителя с 22 июля по 6 августа 2003 года было постановлено или разрешено Московским судом.

190. В отношении заявлений Правительства о том, что содержание заявителя под стражей с 22 июля по 6 августа 2003 года было основано на решении Коминтерновского суда от 7 июля 2003 года, Суд отмечает, что это решение не более чем отменяло постановление о принудительном лечении, рекомендовало возобновление уголовного расследования против заявителя, и указывало, что заявителя нужно подвергнуть психиатрической экспертизе. Такое постановление не может приравниваться к решению, разрешающему содержание лица под стражей и не может служить законным основанием для продолжения заключения заявителя после 22 июля 2003 года.

191. Правительство утверждало, что лишение свободы заявителя в течение данного периода было следствием медленного движения копии решения от 7 июля 2003 года из Коминтерновского суда в больницу и необходимости предупредить компетентные органы об освобождении психически больного лица. Суд считает, что это, должно быть, довод в пользу того, что в данных обстоятельствах, содержание заявителя под стражей было все еще оправдано решением от 5 июля 2002 года. Суд повторяет, что административные

формальности, связанные с освобождением, не могут оправдывать задержку более чем на нескольких часов (см. решение по делу *Nikolov v. Bulgaria*, no. 38884/97, § 82, 30 января 2003 года, см. также решения по делам *Giulia Manzoni v. Italy* от 1 июля 1997 года, Reports of Judgments and Decisions 1997-IV, § 25; *Labita v. Italy* [GC], no. 26772/95, § 172, ECHR 2000-IV и *Quinn v. France* от 22 марта 1995 года, Series A no. 311, § 42).

192. Суд, принимая во внимание отсутствие каких-либо объяснений в отношении соответствующих событий, которые доказали бы сложности в сообщении между Коминтерновским судом и больницей или между больницей и соответствующим отделением милиции, отклоняет аргумент Правительства о том, что лишение заявителя свободы с 22 июля по 6 августа 2003 года было оправданным с точки зрения параграфа 1 (е) статьи 5.

193. При таких обстоятельствах, содержание заявителя под стражей в больнице, после того как решение суда о принудительном психиатрическом лечении было отменено, не может считаться первым шагом в выполнении решения об освобождении заявителя, поэтому не соответствует пункту ни 1(е), ни всем другим пунктам статьи 5.

194. Соответственно, здесь было нарушение статьи 5 § 1.

2. Статья 5 § 4 Конвенции

195. Заявитель жаловался на основании статьи 5 § 4 Конвенции, что с 7 июля 2003 года, когда суд отменил назначенное ему ранее принудительное лечение, и до его освобождения из больницы 6 августа 2003 года он не мог обратиться в суд, чтобы судья проверил законность содержания его под стражей.

196. Правительство утверждало, что решение о назначении заявителю принудительного психиатрического лечения дважды рассматривалось национальными судами на основании заявлений, сделанных после освидетельствования заявителя компетентными врачами. Принимая во внимание частоту пересмотров законности принудительного психиатрического лечения заявителя, Правительство считает, что статья 5 § 4 не была нарушена. Заявитель не согласился.

197. Суд напоминает, что он уже рассматривал систему периодических пересмотров заключения на основании статей 19-22 Закона «О психиатрической помощи» и Главы 34 УПК в деле Горшков против Украины (no. 67531/01, §§ 37-46, 8 ноября 2005). Суд пришел к таким выводам:

«44. Суд повторяет, что ключевой гарантией статьи 5 § 4 Конвенции является то, чтобы лицо, которое принудительно содержится в психиатрическом учреждении, имело право на судебный пересмотр по своей личной инициативе (см. например, *Musial v. Poland*, решение от 25 марта 1999 года, Reports 1999-II, § 43; и *Rakevich v. Russia*, § 45). Статья 5 § 4 Конвенции требует в первую

очередь наличия независимого правового средства, с помощью которого лицо, которое содержится под стражей, имеет возможность предстать перед судьей, который определит законность содержания под стражей. Доступ такого лица к судье не должен зависеть от доброй воли администрации учреждения, где содержится это лицо, использоваться на усмотрение медиков или руководства медицинского учреждения.

45. Хотя правовой механизм, содержащийся в статьях 19-22 Закона Украины «О психиатрической помощи» и Главе 34 УПК, которые действовали в то время, устанавливая, что лицо с психическим заболеванием автоматически предстает перед судьей, является важной гарантией против произвольного содержания под стражей, он сам по себе не является достаточным. Такие дополнительные гарантии не исключают потребности в независимом праве пациента подать заявление.

46. Суд приходит к выводу, что заявитель не имел права инициировать процедуру проверки судом законности своего содержания под стражей для применения принудительных мер медицинского характера, как того требует пункт 4 статьи 5 Конвенции. Соответственно было нарушение этого положения».

198. Заявитель содержался под стражей в соответствии с теми же положениями закона, что и г-н Горшков, и Суд не видит никакой причины отклоняться от выводов вышеупомянутого решения. Поэтому он считает, что имело место нарушение статьи 5 § 4 ввиду невозможности для заявителя возбудить судебное разбирательство для проверки судом законности его заключения в психиатрическом учреждении.

199. Соответственно, здесь было нарушение статьи 5 § 4 Конвенции.

V. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

200. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Вред

201. В соответствии с правилом 60 Регламента Суда любое требование о справедливом возмещении должно быть детализировано и представлено в письменном виде с приложением любых соответствующих подтверждающих документов, без чего Суд вправе отказать в удовлетворении требования полностью или частично.

(a) *материальный вред*

202. Заявитель не выдвинул никаких требований по этому пункту в течение установленного срока, таким образом, Суд ничего не присуждает.

(b) *нематериальный вред*

203. Заявитель требовал 20 000 евро в качестве возмещения нематериального вреда. Его представитель, г-жа Кучерук требовала 10 000 евро.

204. Правительство утверждало, что требования необоснованны и чрезмерны.

205. В отношении требований г-жи Кучерук (матери заявителя), Суд отмечает, что статья 41 не предусматривает возможность возмещения вреда кому-либо кроме потерпевшей стороны. Суд, поэтому, отвергает это требование.

206. Суд отмечает, что, как установлено выше, органы власти подвергли заявителя бесчеловечному и унижающему достоинство обращению и не обеспечили быстрого и публичного расследования в нарушение требования статьи 3 Конвенции. Суд также пришел к выводу, что он был лишен свободы в нарушение статьи 5 Конвенции. Заявитель должен был испытывать боль и страдания в связи с этими обстоятельствами. Принимая во внимание эти соображения и сравнимую судебную практику (см., например, решения по делам *Невмерзницкого (Nevmerzhitsky)*, цит. выше, § 145; *Менешевой (Menesheva)*, цит. выше, § 112; *Худойорова против России (Khudoyorov v. Russia)*, по. 6847/02, § 224, ECHR 2005), Суд присуждает заявителю, на принципах справедливости, 20 000 евро в возмещение нематериального вреда.

В. Расходы и издержки

207. Заявитель требовал 2 500 евро в качестве возмещения расходов и издержек в национальных и конвенционных процедурах.

208. Правительство утверждало, что это требование чрезмерно и что нет доказательств того, что расходы были действительно понесены.

209. Суд считает, что судебные расходы в национальных и конвенционных процедурах заявленные заявителем были действительно и необходимо понесены и разумны по размеру. Поэтому Суд присуждает полную заявленную сумму 2 500 евро, которая, после вычета 371 евро, полученных заявителем в качестве правовой помощи от Совета Европы, равняется 2 129 евро в качестве возмещения расходов и издержек с добавлением любого возможного налога на эту сумму.

НА ОСНОВАНИИ ЭТОГО СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Присоединяет к рассмотрению по существу* предварительные возражения Правительства по поводу эффективности уголовного расследования жалоб заявителя в контексте статей 3 и 13 Конвенции;
2. *Признает* жалобы заявителя в контексте статей 3 и 13 Конвенции, статьи 5 § 1 Конвенции относительно периодов содержания заявителя под стражей с 7 июля по 6 августа 2003 года и жалобу в контексте статьи 5 § 4 Конвенции по поводу невозможности для заявителя требовать пересмотра в суде законности заключения в Харьковской психиатрической больнице № 15 приемлемыми, а остальные заявления – неприемлемыми;
3. *Постановляет*, что была нарушена статья 3 Конвенции в части чрезмерного использования силы охранниками тюрьмы;
4. *Постановляет*, что была нарушена статья 3 Конвенции в части применения наручников в одиночной камере;
5. *Постановляет*, что была нарушена статья 3 Конвенции в части ненадлежащего предоставления медицинской помощи и лечения;
6. *Постановляет*, что была нарушена статья 3 Конвенции в части ненадлежащего расследования жалоб заявителя на дурное обращение;
7. *Постановляет*, что не была нарушена статья 5 § 1 Конвенции в части содержания заявителя под стражей с 7 по 22 июля 2003 года;
8. *Постановляет*, что была нарушена статья 5 § 1 Конвенции в части содержания заявителя под стражей с 22 июля по 6 августа 2003 года;
9. *Постановляет*, что была нарушена статья 5 § 1 Конвенции в части отсутствия у заявителя возможности инициировать процедуру пересмотра законности содержания его под стражей в Харьковской психиатрической больнице № 15;
10. *Постановляет*, что нет необходимости рассматривать жалобу на нарушение статьи 13 Конвенции;

11. *Постановляет,*

(а) что государство-ответчик должно выплатить заявителю в течение трех месяцев с даты, когда судебное решение станет окончательным в соответствии со статьей 44 § 2 Конвенции, следующие суммы:

(i) 20 000 (двадцать тысяч) евро в счет причиненного нематериального вреда;

(ii) 2 129 (две тысячи сто двадцать девять) евро в счет расходов и издержек;

(iii) любые возможные налоги на эти суммы;

(b) что эти суммы должны быть переведены в национальную валюту государства-ответчика по курсу, действующему на день выплаты;

(c) что с момента истечения вышеупомянутых трех месяцев и до выплаты на вышеуказанную сумму должна начисляться пеня, равная предельной кредитной ставке Европейского Центрального Банка в этот период с добавлением трех процентных пунктов;

12. *Отклоняет* остальные требования заявителя о справедливом возмещении.

Составлено на английском языке и объявлено письменно 6 сентября 2007 года, в соответствии с правилом 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Stephen Phillips
заместитель секретаря

Peer Lorenzen
председатель